

РОДНЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ по воскресеньямъ.

Адресъ Редакціи:
Купеческая ул., Соборный домъ.
Годовая цѣна 5 рублей.

При напечатаніи объявленій, за каждую строку или мѣсто строки, взимается: за одинъ разъ 10 к. за два—15 к. за три—20 к.

Годъ V-й. 16-го октября 1905 года. № 40.

ОТДѢЛЪ I ОФИЦИАЛЬНЫЙ.

ВЫСОЧАЙШИИ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКИЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всеѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Въ 23 й день августа сего года, съ соизволенія Нашего, заключенъ Нашими уполномоченными въ Портсмутѣ и въ 1-й день текущаго октября утвержденъ нами окончательный мирный договоръ между Россією и Японією.

Въ неисповѣдимыхъ путяхъ Господнихъ Отечеству Нашему ниспосланы были тяжелыя испытанія и бѣдствія кровопролитной войны, обильной многими подвигами самоотверженной храбрости и беззавѣтной преданности Нашихъ славныхъ войскъ въ ихъ упорной борьбѣ съ отважнымъ и сильнымъ противникомъ. Нынѣ эта столь тяжкая для всѣхъ борьба прекращена, и Востокъ Державы Нашей снова обращается къ мирному преуспѣянію въ добромъ сосѣдствѣ съ отнынѣ вновь дружественной Намъ Имперіею Японскою.

Возвѣщая любезнымъ подданнымъ Нашимъ о восстановленіи мира, Мы увѣрены, что они соединятъ молитвы свои съ Нашими и съ непоколебимою вѣрою въ помощь Всевышняго призовутъ благословеніе Божіе на предстоящія Намъ, совмѣстно съ избранными отъ населенія людьми, обширныя труды, направленные къ утвержденію и совершенствованію внутренняго благоустройства Россіи.

Данъ въ Петергофѣ октября 5-го дня въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятое, Царствованія же Нашего въ одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Высочайшая награда.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по Всеподданнѣйшему докладу г. Оберъ-Прокурора Св. Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ во 2-й день сентября текущаго года пожаловать настоятелю православнаго собора въ г. Пружанахъ, протоіерею Николаю *Жуковичу*, за свѣше 55 лѣтнюю полезную службу его въ священномъ санѣ, **митру** изъ Кабинета ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Епархіальныя распоряджэння і извѣщенія.

Резолюціею Его Преосвященства отъ 28 сентября за № 6189 псаломщикъ Люшиневской церкви, Слонимскаго уѣзда, Филиппъ *Кубаевскій*, согласно прошенію, **перемѣщенъ** на ту же должность къ Замшанской церкви, Брестскаго уѣзда.

Кража изъ церкви. 25 сентября сего года между 3 и 6 часами по-полудни неизвѣстнымъ злоумышленникомъ похищено изъ Козицкой церкви, Кобринскаго у., 239 руб. 40 к., изъ коихъ: 95 руб. церковныхъ суммъ, 110 руб. попечительскихъ и 34 руб. 40 коп. братскихъ.

12 сентября с. г. скончался на 41 году жизни отъ тяжелой непродолжительной болѣзни священникъ Роготненской церкви, Слонимскаго уѣзда, Василий Соколовскій, оставивъ жену и пятеро малолѣтнихъ дѣтей.

Къ свѣдѣнію и исполненію духовенства епархіи.

По указу Его Императорскаго Величества Гродненская Духовная Консисторія слушала: Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ отношеніемъ отъ 16 сентября 1905 года за № 20570, вслѣдствіе требованія Министерства Финансовъ, просить Консисторію доставить, въ возможно непродолжительномъ времени, по нижеуказанной формѣ, свѣдѣнія о лицахъ епархіальнаго духовенства, получающихъ по занимаемымъ ими должностямъ, изъ различныхъ источниковъ въ совокупности, доходовъ свыше 1000 руб. до 2000 руб., свыше 2000 р. до 5000

руб., и свыше 5000 р. до 10.000 р., по каждой из этих трех категорій въ отдѣльности. Къ источникамъ доходовъ должны быть отнесены: содержаніе какъ изъ Государственнаго Казначейства, такъ и изъ специальныхъ средствъ Св. Синода, изъ городскихъ, земскихъ и общественныхъ суммъ, проценты съ причтовыхъ капиталовъ, доходы отъ прихожанъ за требоисправленія, доходы отъ земель, оброчныхъ статей, принадлежащихъ причтамъ домовъ и проч., причемъ показывать доходъ въ круглыхъ цифрахъ принимая 50 и болѣе р. за 100, а менѣе 50 р. отбрасывать.

Форма.

В Ъ Д О М О С Т Ъ

о лицахъ городского и сельскаго духовенства N—ской епархіи, получающихъ дохода свыше 1000 руб.

№№ по порядку.	Наименованіе церквей и приходоѡвъ.	Должность, за- нимаемая по- лучающимъ доходъ лицомъ.	Доходъ каж- даго лица.	Всего лицъ.	Дохода на всѣхъ.
			Рубли.		Рубли.
	I.				
	Получающіе свыше 1000 р. до 2000 р.				
	г. N. N.				
1	Каѡедральный соборъ .	Протоіерей. Ключарь. 1-й священ. 2-й священ. Протодіак. 1-й діаконъ. 2-й діаконъ.	1900 1400 1300 1300 1300 1100 1100	7	9400

2	Знаменская церковь .	Священник.	2300	}	2	3500
		Діаконъ.	1200			
	N--скій уѣздъ.					
3	г. N—Покровская ц. .	Священник.	1200	1	1	1200
4	Село Иваново . . .	Священник.	1100	1	1	1100
	и т. д. по уѣздамъ .					
	Итого .	—	—	11		15200
	II.					
	Получающіе свыше 2000 р. и до 5000 р.					
1	(Въ томъ же порядкѣ, какъ и по 1-й категоріи).					
	Итого .	—	—	00		000
	III.					
	Получ. свыше 5000 р. и до 10000 р.					
	(Въ томъ же порядкѣ).					
	Итого .	—	—	00		000
	Всего по епархіи .	—	—	00		000

Примѣчаніе: Если окажутся псаломщики, получающіе дохода свыше 1000 руб., то включить и ихъ.

Приказали: Въ виду того, что означенныхъ свѣдѣній не имѣется въ Консисторіи, предписать духовенству епархіи о скорѣйшемъ доставленіи сихъ свѣдѣ-

ній благочинными опархіи, каковыя имѣютъ означенныя свѣдѣнія доставить въ Консисторію и наблюсти о скорѣйшемъ исполненіи.

Вакантныя мѣста.

Священниковъ: въ с. Одрыжинѣ, Кобринск. у. (20), с. Лясовичахъ, Кобринскаго уѣзда (19), с. Матвѣевичахъ, Пруж. у., 2-го сваяц. (16), с. Яглевичахъ, Слонимскаго у. (11) и с. Высоцкѣ, того же уѣзда (4).

Псаломщиковъ: въ с. Замшанахъ, Брестскаго у. (5), с. Накрышкахъ, Слонимскаго уѣзда (5), с. Вистицахъ, Брестскаго уѣзда (5). сел. Мильковщинѣ Гродненскаго уѣзда (4) и с. Добромислѣ Слонимск. у. (3).

ОТДѢЛЪ II НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Х Р О Н И К А.

— 9 октября послѣ божественной литургіи, совершенной въ кледральномъ соборѣ былъ прочитанъ Высочайшій манифестъ о заключеніи мира съ Японіей, послѣ чего совершено Господу Богу благодарственное молебствіе всѣмъ наличнымъ г. Гродны духовенствомъ во главѣ съ о. Архимандритомъ Василиемъ.

Думы послѣ войны.

Слава Тебѣ, Боже, слава Тебѣ!

Слава Богу! Кончилась тяжелая, разорительная война! Государю Императору угодно было подписать миръ безъ ущерба достоинству и чести Россіи, какъ великой державы. Вѣсть объ этомъ, безъ всякаго сомнѣнія, вызоветъ великій восторгъ во всей Россіи. Конечно, будутъ радоваться разное, но мы радуемся потому, что теперь русскій народъ свободно можетъ заняться усовершенствованіемъ своей внутренней жизни, согласно историческимъ традиціямъ, которыя сдѣлали центромъ жизни русскаго народа вѣру. Въ виду сего намъ хотѣлось бы теперь опредѣлить, какое значеніе имѣла для насъ война въ воспитательномъ отношеніи, что она намъ дала, но для этого необходимо прежде всего оцѣнить самый то фактъ войны вообще и русско-японской въ частности.

Если мы это сдѣлаемъ, тогда обеудимъ прошедшія событія безъ гнѣва, безпристрастно, согласно и съ высшей правдой и не унижая національныхъ чувствъ, поскольку они не отрицають и не противорѣчатъ первой.

Итакъ, какъ же смотрѣть на войну съ точки зрѣнія нравственнаго идеала, съ точки зрѣнія приближенія человѣчества къ Царству Божию? Можетъ ли добрый человѣкъ поднять мечъ на своего врага въ защиту своей жизни, безопасности, имущества, своей семьи, своей родины, своей вѣры? Фактъ войны не стоитъ ли въ противорѣчьи съ словами Божественнаго Миротворца, Который заповѣдалъ намъ любить и враговъ? Не противорѣчить ли онъ и пѣсни ангеловъ, воспѣвавшихъ миръ на землѣ?

Правда, здѣсь воспѣтъ миръ внутренній, миръ чистоты человѣческой совѣсти, но несомнѣнно, что христіанство желаетъ мира и въ международныхъ отношеніяхъ.

Война, страшная война! О, гдѣ вы, мечты о всеобщемъ мирѣ?

Великія тѣни прошлаго, мечтавшія о мирѣ! Еслибы вы снова посѣтили нашъ міръ, вы увидѣли бы, что теперь кровь льется такъ же, какъ и во дни вашего земнаго странствованія, что теперь человѣческая ж знь цѣнится не дороже, чѣмъ и въ ваше время.

Вы ужаснулись бы, потому что увидѣли бы, что теперь великими военными операціями руководить не жажда подвига, славы или всемірной власти, а жажда къ накопленію матеріальныхъ богатствъ. Итакъ, мы стоимъ лицомъ къ лицу съ страшнымъ фактомъ войны; ему необходимо дать нравственную оцѣнку, но сдѣлать это очень трудно, потому что война, какъ событіе величайшей важности, связывается съ многими другими фактами, которые имѣють не одинаковую нравственную цѣнность. Чтобы уяснить разбираемый вопросъ, прежде всего нужно остановиться именно на этихъ фактахъ. Прямой результатъ всякой войны—это смерть многихъ людей. Кровь, невыразимыя физическія и нравственныя

страданія, смерть—вотъ символъ войны. Конечно, все это съ нравственной точки зрѣнія не можетъ быть названо добрымъ. Неудивительно поэтому, что художники пера не знаютъ подходящихъ красокъ, чтобы изобразить ужасъ и бессмыслицу войны, а художники кисти не находятъ болѣе подходящаго памятника для „прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ завоевателей“, какъ памятникъ изъ человѣческихъ костей и череповъ. Прошли уже, безвозвратно прошли тѣ времена, когда воспѣвались бранные подвиги, какъ подвиги, достойные истиннаго героя.

Да война—страшное зло, но человѣкъ живетъ противорѣчiami. Въ самой природѣ своей онъ носитъ противорѣчіе бытія чувственнаго и духовнаго, и это противорѣчіе онъ вноситъ и въ свою жизнь, во всѣ сферы ея. Война есть противорѣчіе въ международной жизни,—она, какъ мы сказали, есть зло, но смотрите на событія, которыя сопровождаютъ ее. Развѣ ихъ можно назвать зломъ? Нѣтъ и нѣтъ,—они добро.

Кто не видѣлъ замѣчательнаго взрыва народнаго патріотизма?

Русь почувствовала теперь себя какъ то особенно, она оживилась, она живетъ самою сложною, разнообразною жизнію. И если разобратъся въ этомъ разнообразіи жизни, если разложить общее настроеніе на составныя части, то среди патріотическихъ чувствъ мы обращаемъ особенное вниманіе на *любовь къ Царю* нашему. Правда, нашъ народъ всегда любилъ и любитъ своего Царя—батюшку, но теперь эта любовь принимаетъ особыя размѣры и формы. Теперь весь русскій народъ ясно видитъ, какъ Государь любитъ свой народъ, свою армію, какъ Онъ посылалъ ей поклонъ „благословеніе“ чрезъ своего высокаго вѣрнаго слугу. Умилительно это. И сердце народное соединяется въ единомъ восторгѣ и преклоняется предъ своимъ царемъ. Развѣ это не добро?

Смотрите еще—„теперь мы, какъ сказалъ одинъ пастырь, одна семья, одинъ народъ, одинъ духъ, одно сердце, одна стѣна противъ враговъ, одно молитвенное кадило за православнаго Царя и его воиновъ“. Народъ

живо созналъ теперь свое единеніе, — развѣ это не хорошо? Русскій интеллигентный человѣкъ по какой то странной игрѣ судьбы идеалы человѣчества всегда ставилъ выше идеаловъ своей родины, — вѣдь было даже такое время, когда русскій образованный человѣкъ не хотѣлъ считать Россіи своимъ отечествомъ. Конечно, идеаль всечеловѣчества хорошій, т. е. высшій идеаль, но въ наличныхъ условіяхъ жизни онъ недоступенъ, такъ что служеніе человѣчеству есть только безплодное разсужденіе, ибо человѣчества, какъ единой организаціи, не существуетъ, а есть только отдѣльные народы и государства, которыя живутъ отдѣльной, особой жизнію, имѣютъ интересы иногда радикально противоположные, поэтому быть космополитомъ въ существѣ дѣла значитъ быть равнодушнымъ къ интересамъ родного государства. Конечно, это государство можетъ руководиться въ своей жизни и безнравственными принципами, но о нихъ теперь мы не говоримъ; мы указываемъ только на тотъ фактъ, что часть образованнаго общества въ годину народнаго испытанія, оставивъ свои заблужденія, горитъ любовью къ Царю и народу. Теперь она познала, что сиду русской земли составляетъ простой народъ. И вотъ получается замѣчательная картина: люди разныхъ положеній и состояній представляютъ изъ себя только русскихъ людей, которые живутъ однимъ настроеніемъ — любовью къ св. Руси.

„Отнынѣ, какъ и во времена прежнихъ подобныхъ событій, уже нѣтъ въ Россіи ни барина, ни простолюдина, ни богача, ни бѣдняка, но есть только православный Русскій народъ... Проснулась Русь, великая и святая, подняли голову лучшіе сыны ея...

Теперь всѣ мы, старые и малые, ученые и простые, знатные и безродные, поняли, почувствовали, что у насъ есть отечество, есть Богъ, есть Спаситель Христосъ, есть Царь, заключающій насъ въ своемъ самоотверженномъ сердцѣ, есть воинство... и въ этомъ воинствѣ нѣтъ уже раздѣленія (Еп. Антоній. Моск. Вѣд. № 35, 1904 г.)“.

Это великое народное единение есть безъ всякаго сомнѣнія фактъ нравственнаго порядка. Оно могуче, оно идетъ даже за предѣлы нашего великаго отечества: всѣ славянскія народности сознали теперь, что такое Россія, какова ея миссія, всѣ эти народности желали ей успѣха въ этой войнѣ. Отношеніе славянства къ Россіи за истекшую войну можно выразить слѣдующими словами, которыя вырвались изъ груди одного молодого серба: „Въ этотъ моментъ, когда могущественная славянская Россія ведетъ борьбу на Дальнемъ Востокѣ, когда симпатіи всѣхъ славянъ—на сторонѣ мощной Россіи, которая въ тяжелыя минуты пришла къ намъ, сербамъ,—въ этотъ именно моментъ бѣлградская учащаяся молодежь сочла своимъ долгомъ выразить искреннія симпатіи и пожеланіе, чтобы русское оружіе восторжествовало въ настоящей войнѣ съ желтымъ племенемъ, и отъ всего сердца воскликнуть: „Да здравствуетъ Царь Николай II! Да здравствуетъ Россія!“.

Это всеславянское объединеніе фактъ въ высшей степени отрадный, потому что славянство и въ частности Россія является носителемъ высшихъ завѣтовъ христіанства въ его чистѣйшей формѣ—Православіи. Россія въ теченіи многихъ столѣтій оставалась вѣрной ему и выработала чисто аскетическій укладъ жизни,—она по преимуществу христіанская держава. Другія же славянскія земли также всегда тяготѣли къ Православію, но благодаря нѣкоторымъ условіямъ, они по духу жизни часто примыкали къ Западу и т. об. измѣняли истинному идеалу жизни. Если же они теперь сознаютъ свое единеніе съ Россіей, если они выражаютъ ей свои симпатіи, если они вѣрятъ въ ея нравственную мощь, если они раздѣляютъ и преклоняются предъ ея идеалами, значитъ это явленіе нравственнаго порядка.

Если теперь отъ обще-государственной жизни Россіи и жизни всего славянства, мы обратимся къ настроенію каждаго русскаго человѣка въ отдѣльности, то увидимъ, что оно во время войны также болѣе нравственно, чѣмъ въ обычное время,—всѣ мы были готовы на самопожерт-

твованіе. Мы уже не говоримъ о томъ геройскомъ самопожертвованіи, которое проявляли наши братья на войнѣ, — но вспомните — вездѣ приходилось читать о жертвованіяхъ на военныя нужды, — какъ разнообразны были по своему положенію эти жертвователи. Духовенство, дворянство, купечество, ремесленники, прислуга — всѣ несли свою лепту на военные расходы. Фактъ величайшей нравственной важности, потому что онъ свидѣтельствуеетъ о томъ, что въ данную минуту русское общество не интересовалось матеріальными расчетами, — что они — владѣтели думъ въ обычномъ порядкѣ вещей — далеко отошли на второй планъ. Неволько ищешь этому явленію аналогіи въ прошедшихъ судьбахъ Россіи и видишь, что она всегда была вѣрна себѣ самой, — всегда несла свое достоинство къ престолу Царя, всегда говорила Ему: „распоряжайся нами и нашимъ имуществомъ, какъ Ты хочешь“.

Простой русскій мужичекъ въ своемъ отношеніи къ жизни поистинѣ является философомъ: онъ въ высшей степени серьезно относится къ религіи и общественнымъ обязанностямъ. Этой именно серьезности, такъ необходимой для каждаго человѣка, часто недостаетъ русскому интеллигентному человѣку, и только въ години народныхъ испытаній онъ начинаетъ сознавать великое значеніе религіи, государственной жизни, самодержавія и т. д. Это сознаніе пробуждается въ немъ съ тѣмъ большею силой, чѣмъ сильнѣе отрицались эти устои народной русской жизни.

Отрицательныя вѣянія всѣхъ родовъ, такъ скоро и легко находящія удобную почву въ нашемъ отечествѣ, не имѣли силы, конечно потому, что сама жизнь, всѣ теченія ея отрицали, доказывали полную несостоятельность этихъ вѣяній. Истекшія и текущія событія мощно говорятъ, что жизнь не только государства, но отдѣльной личности — фактъ величайшей важности и что шутить ею невозможно и преступно.

Государство — святыня, не разорять его устои, а со- зидать ихъ — вотъ обязанность каждаго гражданина. Что

созиданіе въ данномъ случаѣ безмѣрно выше отрицанія, это доказываютъ именно истекшія событія, — они испытаніе для народа и это испытаніе доказываетъ, что въ нашемъ народѣ все хорошее создано тысячелѣтней работой, что наши истинные идеалы тамъ — въ древней Руси.

Вотъ какія хорошія стороны имѣла война, которую мы вели съ Японіей.

Если судить по историческимъ аналогіямъ, то можно думать, что и послѣдствія ея будутъ нравственно цѣнны.

Правда, она нѣсколько пошатнетъ государственные финансы, но какая польза человѣку, если онъ приобрететъ цѣлый міръ въ свое владѣніе, а потеряетъ свою душу? Горе ему!

Мы лишимся денегъ, но приобретемъ болѣе дорогое сокровище — мы узнаемъ, что у насъ хорошо и что плохо, и благодаря этому знанію, произведемъ реформы. Правда и въ обычномъ порядкѣ вещей можно узнавать недостатки въ государственной жизни, но война есть своего рода экзаменъ, здѣсь открываются такія вещи, о которыхъ въ другое время мы никогда бы не узнали. За доказательствами недалеко ходить.

Вспомнимъ ту внутреннюю работу, которая началась въ Россіи послѣ крымской кампаніи; не даромъ эта эпоха называется эпохой „великихъ реформъ“. Общее оживленіе сказалось на наукѣ, искусствѣ и литературѣ и особенно на публицистикѣ, которая обязана слѣдить за всѣми жизненными явленіями въ обществѣ и государствѣ.

Итакъ, мы видимъ что событія, вызванныя къ жизни войной, не такъ плохи, какъ она сама. Но чуткая человѣческая совѣсть все таки не можетъ удовольствоваться такимъ рѣшеніемъ вопроса о войнѣ — ей хочется знать, что такое она не въ сопровождающихъ ее обстоятельствахъ и послѣдствіяхъ, а въ себѣ самой, въ своемъ существѣ что такое она по конечной цѣли.

Христіанство въ своемъ ученіи не содержитъ рѣшенія вопроса о войнѣ, о ея нравственной цѣнности; Иисусъ Христосъ говоритъ только, что она должна быть

или вѣриѣ—необходимо будетъ въ человѣчествѣ, такъ какъ оно не совершенно.

Св. Отцы также не оставили намъ въ своихъ писаніяхъ рѣшенія вопроса о войнѣ. Христіанскій писатель Лактанцій говорилъ, что у добраго человѣка не должно быть войны, кромѣ войны съ самимъ собою, т. е. съ своимъ грѣховнымъ настроеніемъ. Но понятно, что, разсуждая такъ, онъ имѣлъ въ виду идеаль христіанской жизни, а не отрицаніе права защиты отъ нападеній враговъ. И каждый изъ насъ думаетъ также: война не должна быть, но что дѣлать, если историческія условія жизни создаютъ ее часто помимо всякихъ нашихъ желаній?

Война въ защиту своей родины, ея чести и славы, ея вѣры, ея Царя—поэтому загонна; не даромъ и Церковь молится „о пособити и покорити подъ нозѣ его всякаго врага и супостата“, „оружіемъ истины, оружіемъ благоволенія вѣнчай его, осѣни надъ главою его въ день брани, укрѣпи его мышцу, возвыси его десницу, удержи его царство, покори ему вся варварскія языки, *брани хотящія* (Лит. Вас. Вел.)“.

Борьба съ этими языками, „хотящими брани“, не только позволительна, но и прямо законна. Св. Аѳанасій Великій въ своемъ посланіи къ Аммуну монаху пишетъ: „непозволительно убивать, но убивать враговъ на брани и законно и похвалы достойно. Тако великихъ почестей сподобляются доблестные въ брани, и воздвигаются имъ столпы, возвыщающія превосходныя ихъ дѣянія. Такимъ образомъ, одно и тоже, смотря по времени, и въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, не позволительно, а въ другихъ обстоятельствахъ и благовременно, и бопускается и позволяется“.

Значитъ св. Отець, разсуждая о войнѣ, ставитъ вопросъ о ея цѣли и, дѣйствительно, его нельзя обойти ни въ какомъ случаѣ, потому что всякому понятно, что война есть нежелательное явленіе, но не одно и тоже—защищаемся мы или нападаемъ, воюемъ за торжество какой-нибудь высокой идеи, или изъ-за матеріальныхъ

расчетовъ. Такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ мы должны, насколько это возможно, опредѣлить цѣли военныхъ дѣйствій Россіи и Японіи.

Начала военныя дѣйствія Японія,—она нападающая сторона. Но ради чего? Японцы говорятъ: „ради соблюденія мира въ восточной Азіи“. Какъ будто бы странно упрочивать миръ войной, да еще съ такой державой, которая мира не нарушаетъ и войны не хочетъ. Нѣтъ, истинная причина военныхъ дѣйствій заключается со стороны Японіи, конечно не въ этомъ: Японія по своей жизни экономической представляетъ страну промышленно-торговую. Какъ таковая, она вырабатываетъ товаровъ больше, чѣмъ можетъ потребить ея внутренній рынокъ,—отсюда получается такое положеніе вещей, что она вынуждается сбывать ихъ на заграничныхъ рынкахъ. Такими рынками, болѣе удобными по географическому положенію, являются для Японіи Китай, Манчжурія и Корея. Завоевать ихъ не представляется особеннаго труда, но здѣсь встрѣчается Россія. Восточный задоръ подсказалъ—воевать, и начинаются военныя дѣйствія. Конечно, довольно страннымъ представляется, почему Японія рѣшилась ради экономическихъ интересовъ воевать съ Россіей, когда дѣло можно было уладить и миромъ. Для уясненія этого необходимо, кромѣ матеріальныхъ расчетовъ допустить болѣе глубокую и серьезную причину—коренное различіе идеаловъ и устоевъ жизни.

О причинѣ войны со стороны японцевъ Прессвацъ. Антоній писалъ слѣдующее: „Конечно, не торговая затрудненія, не одно только коварное вліяніе нашихъ европейскихъ недруговъ, а причины болѣе сокровенныя и глубокия внушили этимъ культурнымъ дикарямъ то безумно-дерзкое нападеніе на Русь, въ которомъ обнаружилась ихъ постоянно возраставшая ненависть къ кореннымъ основамъ русскаго духа... Богъ или міръ, жизнь будущая или наслажденіе въ настоящемъ, евангельская вѣра или современный языческій нигилизмъ, Христово смиреніе и воздержаніе, или англосаксонская гордыня и узаконенная чувственность. Россія или Европа,—вотъ вопросы, пред-

ставшіе сознанию проснувшихся дикарей. Они смѣло пустились по отрицательному теченію ихъ и скоро познають свое безуміе, утопая въ морской пучинѣ, какъ дерзостные Египтяне, возставшіе противъ народа Божія (Моск. Вѣд. № 35, 1904 г.)“.

Итакъ, вотъ какъ глубоко лежитъ причина враждебныхъ отношеній къ намъ японцевъ, они ослѣпли въ своей гордынѣ и страсти,—они забыли всѣ законы международныхъ отношеній, которые обычно соблюдаются всѣми. Они напали на насъ внезапно,—чего, конечно, никогда не сдѣлали бы мы; мы прежде нападенія, всегда сказали бы: „иду на васъ!“.

Правда, международные законы не есть нравственные законы, но они стремятся приблизиться къ идеалу нравственности, и значить, если японцы нарушили ихъ, очевидно, истинно-нравственное настроеніе имъ совершенно неизвѣстно. Впрочемъ, это само собою слѣдуетъ изъ того, какихъ религіозныхъ воззрѣній держатся японцы: японскія религіи безъ живаго Бога не даютъ истинныхъ мотивовъ для добродѣтельной жизни. Мелкіе торгашескіе интересы—вотъ ихъ обычная жизнь. Думать, что религія какого-то. Конфуція можетъ дать живое содержаніе для человѣческой жизни, что въ ней можно находить источникъ истиннаго счастья—не значить ли утверждать совершеннѣйшій абсурдъ?

Еслибы японцы одни владѣли Восточной Азіей, они не могли бы дать ей мира и счастья, не могли бы повысить ея нравственно-религіозную культуру,—слѣдовательно, ихъ военныя дѣйствія не могутъ быть оправданы никакими высшими соображеніями,—ихъ война противъ Россіи есть не болѣе какъ варварское нападеніе на державу, внутренняя жизнь которой имъ совершенно непонятна, а идеалы ея для нихъ ненавистны.

Насколько несправедлива была въ своихъ военныхъ операціяхъ Японія, настолько онѣ законны со стороны Россіи. Уже то обстоятельство, что она не начинала войны и всячески избѣгала ея, говорить въ ея пользу. Цѣль военныхъ дѣйствій съ нашей стороны гораздо болѣе высо-

кая, чѣмъ со стороны Японіи; но слава, не торговые обороты неудержимо влекутъ Россію въ глубь Азіи—это стремленіе естественно. Но здѣсь возникаетъ вопросъ—насколько оно нравственно? Да, оно нравственно; даже европейцы сознаются, что Россія всегда несла на востокъ христіанскую культуру. И если эти европейцы теперь иногда сочувствуютъ Японіи, то это говоритъ только о томъ, что они отрекаются отъ христіанства. Вотъ номеръ газеты, здѣсь есть сообщеніе такого рода: „на дняхъ въ Вѣнѣ былъ маленькій митингъ друзей Японіи (около 300 человекъ—большой частью студенты); одинъ изъ ораторовъ (имя его не заслуживаетъ извѣстности) сказалъ, что культурное человѣчество должно сочувствовать японцамъ по слѣдующимъ соображеніямъ: японцы язычники; побѣда японцевъ открыла бы глаза человѣчеству; для человѣчества прояснились бы новые горизонты, столь ему необходимые, такъ какъ христіанская этика давно де изжита“.

Если подобныя разсужденія обычное дѣло въ Западной Европѣ, то, конечно, ее можно только пожалѣть. Есть хорошая пословица: „покажи мнѣ твоего друга, и я скажу тебѣ, что ты такое“. Если Западная Европа выбираетъ себѣ въ друзья Японію, а не Россію, то это значитъ предпочитаетъ Христу Варавву, потому что Японія не имѣетъ никакой нравственной цѣнности,—справедливо о ней сказали нѣкто: „тамъ птицы не поютъ, цвѣты не пахнутъ, мужчины не имѣютъ понятія о чести, женщины о добродѣтели“. Такое опредѣленіе основъ японской жизни весьма характерно. Наши воины во время непріязненныхъ дѣйствій всегда могли утѣшать себя той мыслию, что они борются противъ нечестія язычниковъ. Но это, конечно, не значитъ, что война и съ такимъ народомъ, какъ японцы, есть благо; нѣтъ, она есть зло, меньшее того, которое было бы, если бы мы не боролись, потому что совершенная побѣда японцевъ имѣла бы своимъ слѣдствіемъ торжество идеаловъ язычества.

Так. обр. признаніе войны зломъ все таки не даетъ основаній стать въ данномъ вопросѣ на точку зрѣнія Л. Н. Толстого, который рѣшительно отрицаетъ войну, не взирая на то, почему и съ какою цѣлью она ведется.

Заблужденіе его въ данномъ случаѣ состоитъ, въ томъ, что онъ думаетъ произвести коренной переворотъ въ воззрѣніяхъ человѣчества, т. е. механическимъ путемъ. Война есть слѣдствіе зла, съ нимъ нужно бороться, и если успѣхъ въ этой борьбѣ будетъ совершенный, тогда война исчезнетъ сама собою.

Самъ Іисусъ Христосъ дѣло нравственнаго возрожденія представляетъ въ такихъ образахъ, которые говорятъ о томъ, что оно совершается не вдругъ, а путемъ долгой работы человѣчества, какъ единаго организма. Онъ сравниваетъ царство Божіе съ закваской и зерномъ горчичнымъ. Зерно это маленькое, но оно развивается въ величественное дерево, которое покрываетъ землю и даетъ пріютъ небеснымъ птицамъ. Такъ и христіанство съ его силой нравственно перерождать людей совершаетъ свое дѣло въ цѣлой исторіи, нѣкогда откроется такое богочеловѣческое царство, гдѣ никакіе раздоры и войны не будутъ имѣть мѣста, а въ современномъ мирѣ имъ подобаешь быть, не потому, конечно, что они идеаль, а потому, что человѣкъ не совершенъ и съ этимъ несовершенствомъ нужно считаться, такъ какъ внѣшнимъ путемъ воздѣйствовать на человѣка невозможно.

О всеобщемъ мирѣ мы всѣ мечтаемъ и, конечно, должны дѣйствовать, работать на пользу этой великой мечты, но приходится считаться съ наличной дѣйствительностью, которая противъ нашей воли привела насъ къ войнѣ. А теперь наши усилія должны быть направлены къ тому, чтобы этотъ великій урокъ, данный намъ войной съ Японіей, не пропалъ для насъ даромъ.

Будемъ стараться какъ можно больше извлечь изъ него пользы нравственной.

Война показала, что мы страшно безпечны, — будемъ поэтому готовы во всякую минуту на великое дѣло за-

щиты отечества. Будемъ стараться о его внутреннемъ единствѣ и благополучіи, будемъ беречь, какъ зѣницу ока, нашу вѣру—этотъ величайшій и лучшій оплотъ всякой государственности.

(„Вол. Епарх. Вѣд.“).

С. А. Г.

Священники-герои.

(Изъ дневника корреспондента).

КУРЛОВЪ и Миловановъ пріѣхали сюда одинъ изъ Москвы, другой изъ Петербурга. Оба—едва-ли не окончили духовную академію, и въ нашемъ священствѣ они, если хотите,—бѣлая кость, своего рода аристократія клира. Прежде чѣмъ быть „человѣкомъ на войнѣ“, каждый изъ нихъ игралъ видную роль у себя дома. Ихъ знали массы. Имъ вѣрили, ихъ слушали, отъ нихъ много ждали. Разумѣется, не всегда такія надежды оправдываются, и многіе, поѣхавшіе на войну „будущими“ триумфаторами, вернутся оттуда развѣнчанными. Курловъ и Миловановъ оказались на высотѣ своего призванія. Они дали больше, чѣмъ у нихъ просили. И не они одни,—таковъ же о. Георгій *) въ тридцать третьемъ полку. Скромный, но дѣятельный и знающій, онъ забывалъ себя, когда настаивалъ часъ его служенія страдающему брату. Солдаты идутъ въ огонь, или повинуются приказу, или водухе-ленный боевыми впечатлѣніями,—иное дѣло этотъ священникъ. Его звало въ густой обстрѣлъ, въ настоящій адъ болѣе высокое чувство, и шелъ онъ туда тихо и просто, какъ проста и тиха была вся его жизнь здѣсь. Тамъ стонали и корчились раненые,—его мѣсто было между ними. Онъ не могъ ждать, пока ихъ принесутъ сюда,—

*) Шавельскій.

а что, если сотни таких сомкнуть глаза, не услышавъ послѣдняго привѣта, быть можетъ, въ восторженномъ самсобманѣ, но все-таки поборовъ муку невыносимой боли и сознаніе своей отброшенности, одиночества. „Не помирать страшно,—говоритъ мнѣ одинъ изъ солдатъ, спасенныхъ о. Георгіемъ,—а то, что тебя, какъ собаку бросили въ грязь, и никому до тебя нѣтъ дѣла, а отсюда идетъ сюда врагъ и затопчетъ тебя... Отползешь отъ него въ ковыльѣнъ,—онъ и тамъ штыкомъ нащупаетъ. А свои все мимо да мимо. Имъ дѣла мало, у нихъ—команда. Прежде ее исполни, а потомъ ужъ, коли осталось время, можно и о насъ подумать“. О. Георгій работалъ въ огнѣ, точно онъ всю жизнь дышалъ этимъ переполненнымъ свинцовыми шмелями воздухомъ, рыжими газами разрывавшихся около шимозъ, а никогда другой музыки не слышалъ, кромѣ свиста пуль да пронзительнаго визга трескавшихся шрапнелей. Тутъ онъ перевязывалъ, поилъ раненыхъ, исповѣдывалъ и приобщалъ ихъ. Страдающаго брата онъ видѣлъ не только въ своемъ,—нѣтъ. Для него такимъ же являлся сраженный противникъ, и къ нему онъ шелъ съ тѣмъ же самоотверженіемъ и готовностью „положить душу за други своя“. Разъ ты человекъ, значитъ — братъ. Какое ему дѣло, въ какомъ тотъ лагерь и подъ какимъ знаменемъ. Мучится, нуждается въ его доброй волѣ и услугѣ—и иди къ нему навстрѣчу... Разъ ему говорятъ: „Страсть что тамъ апонца набито... Грудами лежатъ. Мертвыми глазами на солнце тарашатся. А оно ихъ жжетъ“...

— Есть и живые...

Отецъ Георгій прислушался.

— Я самъ видѣлъ четверыхъ апонцевъ. Шевелятся. Такъ что даже стонуть. Вѣсть подають. А намъ нельзя. Очень ужъ огонь силенъ. Гдѣ сталь,—тамъ и палъ.

Не говоря ни слова, о. Георгій беретъ перевязочный матеріаль, воду, сумочку съ запасными дарами (вдругъ наши окажутся) и спокойно идетъ туда, откуда бѣжить все живое. Въ самомъ дѣлѣ, — „гдѣ сталь, тамъ и палъ“.

Свинцовый дождь то и дѣло, сухая пыль взрывается по сторонамъ. Пули низкутъ воздухъ, съ дикимъ стономъ носятся глупые куски желѣза, кто-то точно громадною ладонью швыряетъ сверху полными горстями шрапнель, и съ тихимъ стономъ падаютъ около опроставшіеся стаканы.. О. Георгій тихо направился именно туда, гдѣ „мертвыми глазами на солнце таращатся“. Добрался, дѣйствительно, груды лежатъ. И въ нихъ кое-гдѣ „живые“ шевелится... Священникъ осмотрѣлъ ихъ, перевязалъ... Остановилъ мимо бѣжавшихъ солдатъ и самъ съ ними, трудясь какъ простой санитаръ, понесъ „братевъ“ чужого знамени. Не успокоился, пока не устроилъ несчастныхъ въ госпиталѣ... Одного изъ нихъ я видѣлъ потомъ. И всякій разъ, вспоминая объ отцѣ Георгіѣ, онъ срывался, раненый, и съ умиленнымъ мѣдножелтымъ лицомъ, сверкая внезапно загорѣвшимися глазами, показывалъ, какъ „русска попа“ нашла его, подняла и вызволила изъ боевого пекла. И потомъ вдругъ начиналъ лопотать.

— Нѣтъ надо война... Нигому нѣтъ надо, менѣ нѣтъ надо, тебѣ нѣтъ надо... Пускай русска попа и наша попа—наша попа шибко холоса есть—поболтай, что скажутъ, такъ и дѣлай. Кому надо война?

Онъ и домой писалъ то же. Только къ отцу Георгію тутъ прибавились еще и сестры, ходившія за японцемъ, и доктора, лечившіе его... Сестеръ онъ издали еще угадывалъ. Бывало, дремлетъ, а только что та покажется вдали, какъ онъ широко раскроетъ восхищенные глаза и не отводилъ ихъ отъ женщины, одно присутствіе которой утишаетъ его муку. А то прижметъ горячимъ желтымъ лбомъ къ кресту на ея рукѣ и точно забывается.

— Домой пойду у насъ тоже русскій попа есть... Такой крестъ самъ надѣну... Вашему Богу молиться!

Я уже говорилъ, что всѣ эти «отцы» пришли сюда изъ Москвы или Петербурга, изъ «бщества», къ которому они привыкли, гдѣ они были своими. Теперь мнѣ осталось еще одно воспоминаніе о «мужицкомъ попѣ», о

священникъ—добровольцѣ, явившемся сюда изъ глухой сибирской деревни, пожалуй, никогда и неперѣзжавшемъ за камень (Ураль), въ далекую и незнакомую ему Россію. Это о. Евѣерій Макаренко. Я думаю, такихъ мимо васъ, въ странствіяхъ по глухимъ пустырямъ и закоулкамъ, проходитъ много, и никогда они на себѣ нашего взгляда не останавливаютъ. И Курловъ, и Миловановъ—хоть сейчасъ ихъ обоихъ въ картину, такими ужъ ихъ сама природа на свѣтъ выпустила. На каѳедрѣ, на трибунѣ, на амвонѣ,—прежде чѣмъ ихъ заслушаешься, ими залюбуешься. Отецъ Евѣерій, я думаю, при встрѣчѣ съ вами сторонкой продвинется: куда ужъ ему быть центромъ, въ обыкновенное время захватить собою общество, повести его за собою. Онъ жилъ въ одномъ изъ самыхъ забытыхъ и бѣдныхъ селъ Барнаульскаго уѣзда. Приходъ былъ убогій. и Макаренко, вѣрно, приходилось, какъ любому его сосѣду мужику, также въ потѣ лица обрабатывать свою землю, ничѣмъ не отличаясь отъ своихъ духовныхъ сыновей, ни наружностью, ни приемами. Когда началась война—какъ они ни были сами несчастны, заброшены, забиты, а рѣшили послужить Божьему дѣлу, собрать и отправить въ Манчжурію походную церковь. Вся сна помѣстилась въ одномъ возу и обошла недорого, потому что до послѣдней мелочи сдѣлана тѣмъ же отцомъ Евѣеріемъ, который на этомъ возу и самъ пріѣхалъ, правя лохматой сибирской лошадежкой, настоящимъ мухортикомъ, несмотря на всю свою непредставительность, одолѣвшую не одну тысячу верстъ. Тоже ни въ картину, ни въ «натуру для памятника» не годилась. Когда эту церковь собрали и поставили,—сосѣди изъ «Краснаго Креста» изумились, до того она была удобна, изящна...

— Кто же это вамъ вырѣзалъ?

— Я и моя семья.

— А рисовалъ?

— Мы же... Что жъ тутъ...

— Да вѣдь это художественная работа.. Особенно образа!..

— Извините... Какъ сумѣлъ.

Съ этого времени началось боевое подвижничество этого въ полномъ смыслѣ слова человѣка на войнѣ. Онъ былъ неотдѣлимъ отъ своей церковки, и гдѣ видѣли отца Евверія, — тамъ непремѣнно оказывалась и она. Самъ ее соберетъ, сложитъ на тотъ же возъ, запряжетъ того мухортика и доѣдетъ съ нею куда нужно. А такъ какъ Макаренко, кромѣ передовыхъ позицій другихъ не зналъ, то и самодѣльный храмикъ его позади не оставался. Гдѣ люди падали подъ предательскими пулями, кровью исходили отъ усталы, умирали сотнями и тысячами, — тамъ же въ самомъ пеклѣ, какъ часовой на своемъ мѣстѣ, непремѣнно пребывалъ и о. Евверій. Замолкнетъ бой, — онъ начинаетъ свою службу, какъ священникъ, передъ алтаремъ. Начнется, — онъ идетъ въ цѣпь, какъ санитаръ, фельдшеръ и иной разъ, какъ докторъ. Должно быть, у себя въ сибирской глуши, желая быть полезнымъ сосѣдямъ, онъ обучился многому, и это многое умѣлъ быстро, кстати прикладывать къ дѣлу.

Какъ бы при больномъ и раненомъ ни была черна и грязна работа, — онъ самъ, непрошенный и незванный, шелъ на нее и не успокоивался, пока не приводилъ ее къ концу. Устали на него не было. Не доѣстъ, не допьетъ, — а непремѣнно окажется тамъ, гдѣ всего тяжелѣе и невыносимѣе людямъ, и при этомъ все онъ обставлялъ такъ, что его личность была какъ-то незамѣтна. Точно онъ весь до тла расходился въ самомъ дѣлѣ, пропалъ въ немъ. Имъ поэтому и пользовались всѣ, не стѣсняясь, не соблюдая никакихъ правилъ... Гоняли на всякую надобность, — и онъ ничего лучшаго не желалъ. Куда онъ, такимъ образомъ, ни попадалъ, вездѣ оказывался крайне необходимымъ, и не только необходимымъ, но и незаменимымъ. „Нѣтъ, на мѣсто батюшки некого поставить!“ — говорили и солдаты. Въ двѣ руки, а за десятокъ работаетъ. Никому за нимъ не угнаться. И при этомъ ни натуги въ лицѣ, ни раздраженія. Нѣтъ этого. „ахъ, оставьте меня, пожалуйста; видите я дѣло дѣлаю“. Въ самой кишѣни дастъ отвѣтъ, объяснитъ, что надо, отор-

вется къ другой нуждѣ, исполнить ее, и опять доканчиваетъ свое... Такое время,—некогда тутъ уставать или сердиться, и на сосѣдей не напишишься. Они вѣдь тоже не бѣлоручки, тоже не на праздникѣ, а на страдѣ.

Подъ Айсяндзяномъ, Дашичао, Ляояномъ его видѣли уже вступающія въ настоящій бой войска. Кругомъ, бывало, падаютъ и рвутся гранаты, а онъ подъ цыновочнымъ навѣсомъ раскинетъ себѣ походную церковку и съ крестомъ встрѣчаетъ солдатъ. Кончить служить,—сейчасъ же на самую утомительную и неприглядную работу, отъ которой другіе чураются. Въ какомъ бы часу ни было, все равно: только что заснулъ, утомленный и измученный, позовутъ,—встрепенется и готовъ. Чаще всего его видѣли между ранеными, съ уродливымъ пузатымъ барнаульскимъ мѣднымъ чайникомъ въ рукахъ съ массой галетъ въ карманѣ. Поить, кормить и никакого ему дѣла до того, что кругомъ смерть вырываетъ цѣлыми рядами людей изъ полковъ и батальоновъ. Отрядъ генерала Самсонова стоялъ тамъ, гдѣ одна только и была вода—соленая. Отецъ Евѳерій ухитрился возить все время прѣсную изъ подъ Дашичао. По ночамъ доставляли транспорты съ ранеными.—послѣ цѣлаго дня возни съ такими же о. Евѳерій тутъ какъ тутъ. Подоткнетъ рясу, точно баба подоль, и моетъ полы въ перевязочной.

— Батюшка, идите, отдохните.

— Нельзя.. Чистота нужна. Особенно здѣсь. Раны-то открывать будутъ.

— Да вы устали!

— Въ могилѣ выспимся. Долго спать будемъ...

— Да зачѣмъ вы сами это?...

— Всѣ измучились... А я видѣть грязи не могу.

Веселый, разговорчивый, особенно съ солдатами, и тѣ его съ перваго слова понимали.

— Какой ты отецъ?—говорилъ ему одинъ такой—Ты настоящая мать... Только мать такъ сына жалѣетъ...

Какъ онъ перебивался самъ,—одинъ онъ вѣдалъ. Крестьяне его прихода ничего ему дать не могли.

Мнѣ рассказывали о немъ:

— Ъхали мы съ нимъ на поѣздѣ въ Харбинь... Видимо, усталъ батька. Заснулъ, и только когда глаза закрылъ, видимъ мы по его лицу, какъ онъ измучился.

На одной станціи поѣздъ останавливается. Видимъ, несутъ умершаго мимо. Оказывается, солдатикъ въ санитарномъ чужомъ вагонѣ скончался. За нимъ жандармъ и маленькая команда съ барабанщикомъ, уныло выбивающимъ что-то. Мы даже не успѣли замѣтить, когда о. Евѳерій проснулся,—смотримъ, а онъ ужъ въ облаченіи и летитъ за носилками. Забылъ все,—и то, что поѣздъ его ждать не станетъ и солдатъ чужой.

— Всѣ свои... всѣ... Разъ человѣкъ, значитъ,—свой... Нѣтъ чужихъ...

Началъ отпѣвать. Неизвѣсто, какъ зовутъ усопшаго.

— Имя же его, Господи, Ты вѣси!.

А вѣтерокъ забирается подъ саванъ и шевелитъ его, точно тотъ, лежащій подъ нимъ, старается сбросить его съ себя.

Такъ онъ всѣмъ примелькался, этотъ отецъ Евѳерій, что его замѣчать перестали. Точно его нѣтъ. А какъ заболѣлъ онъ дизентеріей—вдругъ оказалось, никакъ безъ него обойтись нельзя, всѣмъ онъ нуженъ, у каждаго съ его отсутствіемъ точно руки отнялись. И оправиться еще не успѣлъ, какъ слѣдуетъ,—смотримъ, стоитъ ужъ на страдѣ..

— Некогда болѣть... Не такое время, чтобы себѣ поблажку давать..

Однако, и у него оказались „настоящіе“ свои.

На позиціи пришелъ Барнаульскій полкъ.

Отецъ Евѳерій свѣта не взвидѣлъ. Преобразился, вышелъ изъ своего обычнаго спокойствія, и все, что плохо лежало, давай въ Барнаульскій полкъ таскать. У всѣхъ,—знакомыхъ и незнакомыхъ, ему все равно,—просиль, кланчилъ, требовалъ и цѣлыми транспортами посылалъ и возилъ своимъ, барнаульцамъ.

— Какъ можно, помилуйте, земляки... Это не то что...

И, не доканчивая, неся уже куда-нибудь за теплыми чулками, фуфайками.

— Имъ все пригодится. Нашъ барнаулецъ изъ всего нужное сдѣлаеть.

Нанятыми санитарами онъ, не высказывая этого, былъ не совсѣмъ доволенъ...

Смотритъ—смотреть на нихъ, и давай самъ...

— Идите, отдыхайте.

А тѣхъ и просить не надо, -- радуются.

И вдругъ исчезъ.

Оказывается, поѣхалъ въ барнаульскій уѣздъ. За чѣмъ?—За мужиками! Я вамъ изъ нихъ такихъ санитаровъ наберу. Настоящихъ, не купленныхъ... У насъ наемныхъ душъ нѣтъ. Всѣ по сердцу пойдутъ... И опять,—какъ во время его болѣзни,—не стало его, и вся машина чуть не остановилась. То же, что было послѣ смерти Курлова. Кажется, никуда не выставлялись, никакой роли не играли. Всѣ думали, что они значенія не имѣютъ,—и вдругъ, оказалось всѣмъ нужны до зарѣзу, никакъ не обойтись безъ нихъ, и вездѣ, то и дѣло, запутывается все, и люди не знаютъ, куда имъ руки приложить. Незамѣтно,—они несли громаднѣйшій трудъ. Оба были большого и природнаго ума и житейскаго такта. И тотъ и другой не заурядъ, а талантливы. Курловъ—пѣвецъ и писатель, Евѣерій и пѣвецъ, и художникъ, и Богъ его знаетъ, какъ это онъ ухитрился развить въ себѣ, --въ глухой барнаульской деревнѣ.

И чѣмъ дальше отходишь отъ нихъ, тѣмъ ярче и выпуклѣе кажутся эти „человѣки на войнѣ“. Какъ-то вдругъ выступаютъ изъ фона и ужъ его заслоняютъ собою. Тамъ былъ съ ними и не видѣлъ ихъ, какіе кругомъ павлины красовались, гдѣ же изъ за ихъ распущенныхъ хвостовъ замѣтитъ этихъ невидныхъ труженниковъ. А теперь павлиновъ точно смело куда то, и отъ нихъ вдругъ показались Курловы, Миловановы, Макаренко, отцы Георгии, и, совершенно точно со стороны, неожиданная, является мысль: а вѣдь ихъ, этихъ „людей“, вовсе не такъ ужъ мало... Сколько билось кругомъ чудесныхъ сердець,—только музыки этой тамъ въ свистѣ, грохотѣ и трескѣ не слышалъ. А сюда не ураганъ боевой, а

именно ихъ скромные голоса доносятся, и тепломъ вѣть отъ этихъ воспоминаній. Нѣтъ, право хороша народная нива, на которой рождаются и растутъ такіе незамѣтные герои будничной страды. Вѣрится въ нихъ,—и когда теперь порою слышишь: нѣтъ у насъ людей, нѣтъ талантовъ. нѣтъ хаіактеровъ,—невольно улыбнешься въ отвѣтъ.

— Не тамъ, господа, вы ихъ ищите, гдѣ надо... Въ глубинахъ ждуть,—ударить вѣче, и они покажутся на великую общенародную святую страду, и рукъ не сложать, какъ ихъ не складывали тѣ, а до конца доведутъ разъ начатое. И немало ихъ—только никому не видны... До поры, до времени.

(„Церк. Вѣстн.“)

Вас. Немировичъ-Данченко.

Нѣсколько замѣчаній о внѣшности священнослужителей.

ВЪ НАСТОЯЩЕЕ время затрогиваются въ печати всевозможные вопросы, такъ или иначе относящіеся къ пастырямъ церкви. Затрогиваются и такіе вопросы, которые въ сущности своей безразличны для дѣла спасенія души, подобно тому какъ, по ученію Спасителя, безразлично для спасенія, ѣсть-ли хлѣбъ умытыми руками или неумытыми. Къ такимъ вопросамъ мы относимъ и вопросъ о томъ, въ какихъ цвѣтовъ подрясники и рясы могутъ одѣваться священнослужители, приличествуетъ ли имъ носить воротнички и рукавички и пр. въ такомъ родѣ.

Въ статьѣ нѣкоего мірянина „Голосъ заболѣвшей души“, перепечатанной въ № 37 Гродн. Епарх. Вѣдом., читаемъ, между прочимъ, слѣдующія строки: „болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, заняты они (т. е. пастыри) своимъ внѣшнимъ видомъ. Ихъ одежды модныхъ цвѣтовъ и моднаго ошкря (?), шелковыя, или на шелковой подкладкѣ, бѣ-

лосиѣжные воротнички и рукавчики—все это придаетъ имъ отпечатокъ совершенно ненужнаго щегольства, слѣпотоу подраженія модамъ, стоитъ большихъ денегъ и подрываетъ всякое (?) довѣріе въ насъ къ ихъ собственнымъ словамъ, которыми они стараются внушить намъ мысли совсѣмъ противоположныя. Очень странно бываетъ видѣть богато разодѣтаго священника, проповѣдующаго о недолговѣчности всего земнаго, о томъ, что не слѣдуетъ имѣть излишнюю привязанность къ чему либо здѣсь на землѣ и т. д.“

Эти слова, помимо замѣчанія нашего, предпосланаго выше къ нимъ, вызываютъ насъ на нѣкоторое размышленіе.

Въ храмѣ во время богослуженія священнослужители облачаются въ ризы разныхъ модныхъ цвѣтовъ—голубыя, фіолетовыя, красныя и пр. и пр. и изъ разной матеріи—шелковой и не шелковой, парчевой и не парчевой. Прихожане, любящіе пестроту ризъ, жертвуютъ на пріобрѣтеніе ризницы, смотря по своимъ достаткамъ, украшаютъ свои храмы, какъ только можно лучше и красивѣе. И все это дѣлаютъ, не смотря на „недолговѣчность всего земнаго, на то, что не слѣдуетъ имѣть излишнюю привязанность къ чему либо здѣсь на землѣ“. Но дѣло въ томъ, что таковая привязанность была бы и есть вредна, если бы изъ-за нея не заботились въ то же время о спасеніи души своей. Спаситель Христосъ, давая свое ученіе о непривязанности ко всему земному, не требовалъ, конечно, чтобы люди пооставляли все земное, мірское, и бѣжали въ пустыни. „Могій вмѣстити да вмѣстити“. Богъ даровалъ щедро свои многоразличные дары людямъ на пользу имъ и въ честь имъ. Спаситель Христосъ не осудилъ Соломона за то, что онъ богато и роскошно одѣвался, а сказалъ только, по поводу лилій, что и Соломонъ во всей своей славѣ не одѣвался такъ, какъ каждая изъ нихъ. Спаситель Христосъ—образецъ смиренія и кротости, одѣвался въ хитонъ, повидимому, очень

цѣнный и привлекательный для глазъ, когда даже войны грубые пожалѣли раздѣлить его на части, а бросили жребій, кому достанется онъ. Поэтому, думаемъ, совсѣмъ непередосудительно видѣть и на священникѣ одѣяніе хотя бы и моднаго цвѣта, шелковое или не шелковое. Прихожане, въ особенности крестьяне, любящіе и сами одѣвающиеся въ одежду всевозможно яркихъ цвѣтовъ (платки, юбки, кофты, такъ называемыя маринарки) ничего страннаго и соблазнительнаго не усмотрятъ, если ихъ священникъ тоже одѣнется въ одѣяніе изъ матерій такихъ же яркихъ цвѣтовъ, напротивъ, они скажутъ, что и батюшка нашъ, если по душѣ и сердцу онъ настоящій пастырь, — человѣкъ добрый и прекрасный и одѣвается, какъ и мы, но требуетъ и учитъ, чтобы, пользуясь такими вещественными украшающими наше тѣло дарами Божиими, мы и душу свою украшали добрыми и прекрасными мыслями, желаніями и дѣлами. Если священникъ, одѣтый въ моднаго цвѣта рясу, выйдетъ на амвонъ и произнесетъ проповѣдь, сказавъ, между прочимъ, что Богъ такъ щедръ, что даетъ намъ въ изобиліи и разнообразіи все нужное вплоть до яркаго одѣянія, въ которое и онъ, священникъ одѣтъ, разъяснить народу щедрость Божию, то, думаемъ, что не только не будетъ соблазна отъ того, что священникъ одѣтъ богато и быстро, если только онъ можетъ такъ одѣваться, но, напротивъ, народъ утвердится въ мысли, что подлинно щедръ Господь и щедроты Его на всѣхъ дѣлахъ Его, что воздавая Кесарева-Кесареви, земное-земному, надо въ то же время воздавать Божію-Богови, небесное-небесному. Не потому ли и наши архіереи одѣваются въ потребное время въ рясы и подрясники красивыхъ цвѣтовъ, что производитъ не соблазнъ въ вѣрующихъ, а прямо таки возбуждетъ пріятное чувство, сознание того, что человѣку, высоко стоящему, и подобаешь быть украшену самымъ лучшимъ и красивымъ изъ даровъ Божіихъ — одѣяніемъ. Ни архіереи, ни священники, могущіе богато и красиво одѣваться, не смотрятъ вѣдь на свои

одѣянія, какъ на цѣль своей земной жизни, а дѣлають это въ соотвѣтствіе вкусу народному *).

А что сказать „о бѣлоснѣжныхъ воротничкахъ и рукавчикахъ!? Обратимся къ тому же простому народу. Крестьяне мужчины носятъ рубахи съ длинными, бѣлыми воротничками, которые они выпускають поверхъ своихъ свитокъ, козуховъ и маринарокъ, а длинные, бѣлые рукава рубахи видны у нихъ изъ-подъ верхняго платья. Думаемъ, что крестьяне никогда не осудятъ своего батюшки, если у него изъ-подъ подрясника будетъ видна рубаха въ образѣ воротничка, конечно, бѣлаго, а не грязнаго, и рукавчиковъ, ибо и самъ онъ, крестьянинъ, носитъ рубаху. Что же касается городскихъ прихожанъ и прихожанокъ, то тутъ не можетъ быть и рѣчи о соблазнѣ, объ осужденіи священника за воротнички и рукавчики, которые тутъ считаются за непремѣнную принадлежность туалета священника и еще потому, что городскіе прихожане сами носятъ бѣлоснѣжные большихъ размѣровъ въ особенности за-границей, воротнички и рукавчики. Если же есть медвѣжьи углы, гдѣ царить грязь и нищета вплоть до одежды и рубахи, то они не могутъ быть приняты за правило для подражанія. Необходимо и священнику итти въ уровень съ требованіями и вкусами общества *), а потому понятенъ для насъ слѣдующій поступокъ одного, вѣроятно, изъ многихъ священниковъ. Одинъ изъ преподавателей Одесской духовной семинаріи рассказывалъ намъ, что архіепископъ Никаноръ, сдѣлавъ замѣчаніе одному священнику за ношеніе воротничка и рукавчиковъ, получилъ такой отвѣтъ: я живу среди штундистовъ, которые смѣются надъ священниками, что они ходятъ безъ рубахъ, такъ какъ ихъ не видно изъ-подъ подрясниковъ, плотно облегающихъ шею и руки. Очевидно, что надо считаться и со взглядами прихожанъ

*) Едва-ли это такъ. Роскошь въ одѣяніи священниковъ—большее частію показатель суетности: одежда до жна быть прилична и безукоризненно чиста. Ред.

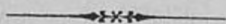
*) Не думаемъ, чтобы читатели согласились съ авторомъ въ этомъ пунктѣ. Ред.

и даже враговъ церкви, не быть посмѣшищемъ изъ-за самой ничтожной вещи.

А евреи говорятъ, что священники оттого и не пользуются уваженіемъ что бѣдны и одѣваются плохо, что у нихъ, евреевъ, пользуются уваженіемъ богатые евреи, среди нихъ въ особенности рабинъ, имѣющій возможность всегда одѣваться по шабасовому. Не оттого ли, говорятъ евреи, и ксендзы имѣютъ огромное вліяніе, что они богаты, что при каждомъ костелѣ числится нѣсколько тысячъ душъ. Конечно, евреи смотрятъ съ своей точки зрѣнія, но отчасти нельзя не согласиться съ этимъ ихъ воззрѣніемъ. Одинъ изъ ксендзовъ говорилъ мнѣ, что у него *ежедневно* обѣдаетъ не менѣе 2—7 человекъ изъ прихожанъ; ну, положимъ, знатныхъ, а въ праздники и человекъ 10. Несомнѣнно, что трапезная солидарность имѣетъ огромное вліяніе въ дѣлѣ приобрѣтенія привязанности прихожанъ къ своему пастырю-ксендзу. Можетъ ли поспорить въ этомъ отношеніи со ксендзомъ хоть одинъ православный священникъ въ городскомъ приходѣ? Въ состояніи ли онъ, захочетъ ли онъ, чтобы за его ежедневную трапезою садилось хоть два-три прихожанина, не говоримъ уже 7—10?

Заканчивая настоящую замѣтку, мы имѣли въ виду ни болѣе, ни менѣе, какъ указать на односторонность сужденія нѣкоего мірянина-автора статьи „Голосъ заболѣвшей души“.

Свящ. *Михаилъ Романовскій*

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

МАСТЕРСКАЯ ЦЕРКОВНОЙ ЖИВОПИСИ

при

Московской школѣ Попечительства ГОСУДАРЫНИ ИМПЕ-

РАТРИЦЫ МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ о глухонѣмыхъ

принимаетъ заказы на иконы разныхъ стилей и реставрацію.

Смѣты высылаются по первому требованію бесплатно. Бѣднымъ сельскимъ церквамъ допускается разсрочка на самыхъ выгодныхъ условіяхъ.

Мастерская находится подъ постояннымъ наблюденіемъ и руководствомъ класснаго художника П. В. Ведяпина.

МОСКВА. *Ордынка, Иверскій переулокъ.*

Содержаніе № 40.

Отдѣлъ I. Высочайшій манифестъ.—Высочайшая награда.—Епархіальныя распоряженія и извѣщенія.—Къ свѣдѣнію и исполненію духовенства епархіи.—Вакантныя мѣста.

Отдѣлъ II. Хроника.—Думы послѣ войны.—Священники герои.—Нѣсколько замѣчавій о вѣшности священнослужителей.—Объявленія.

Редакторъ Каѳедральный Протоіерей Николай Диковскій.

Печатать разрѣшается. г. Гродна, 14 октября 1905 г. Гродн. Губ. Тѣп.
И. д. Цензора Свящ. П. Дедовичъ.